

Ласло Ясаи
(Будапешт, Венгрия)

О РОЛИ СУФФИКСОВ *-к(а)* И *-ик*
В ОБРАЗОВАНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Abstract: The article analyzes the suffixes *-k(a)* and *-ik*, which participate in derivation in fundamentally different processes: 1) univerbation and 2) diminution. In this regard, lexicology has put forward questions that need to be explained.

Keywords: univerbation, polysemy, homonyms, diminutive, lexicalization

Тема, вынесенная в заголовок, актуальна прежде всего при изучении русской лексикологии. В настоящей статье предлагается функционально-семантический анализ таких суффиксов, которые при участии в словообразовательной деривации имен существительных могут выступать в принципиально разных функциях. Суффиксы *-к(а)* и *-ик* заслуживают внимания, в частности, на следующем основании: эти морфемы могут служить, с одной стороны, средствами универбации, т.е. конденсации двух, реже, трех или нескольких слов (напр., *Ленинка*, *визитка*, *гречка* или *мобильник*, *грузовик*, *нулевик*). С другой стороны, как известно, рассматриваемые суффиксы часто обозначают уменьшение размера предмета, они с большой регулярностью участвуют в образовании так называемых диминутивов (напр., *конфетка*, *тетрадка*, *картинка* или *домик*, *мостик*, *ножик*). Анализ указанных морфем позволяет рассматривать два разных словообразовательных способа с позиции их формального единства: вопрос об универбации, а также, в одном аспекте, и вопрос о диминутивных дериватах. С точки зрения лексикологии с целью более обстоятельного рассмотрения данного материала должны быть выделены следующие конкретные вопросы: а) характеристика стиля при универбации; б) многозначность универбатов; в) проблема разграничения омонимичности и многозначности дериватов, образованных с помощью данных суффиксов; г) ослабление или утрата уменьшительной функции диминутивных дериватов и/или их лексикализация.

1. Универбаты, образованные при помощи суффиксов *-к(а)* и *-ик*

Словообразовательный способ, нацеленный на конденсацию двух или нескольких слов, в лингвистической литературе получил общепринятое название в форме термина «универбация». Ввиду того что в устной речи,

предпочитающей формы языковой экономии, постоянно возникают новые универбаты, или же существующие уже такие дериваты приобретают новые значения, явление универбации обычно описывается в рамках изучения разговорной речи (см., в частности, работы КАПАНАДЗЕ 1973: 408-412; ЗЕМСКАЯ 1987: 113-115), или в связи с появлением новых слов (ЛЮПАТИН 1978; ГОВЕРДОВСКАЯ 1992; в венгерской русистике: RÉPÁSI 1999). При этом, однако, мало говорится о том, что универбация – на самом деле, не новое явление в русском словотворчестве, более того, этот способ деривации восходит к самому древнему периоду славянских языков. Со ссылкой на польский источник А. Холлош замечает, что «этот специфически разговорный способ словообразования сложился еще в общеславянскую эпоху» (ХОЛЛОШ 1992: 90). В статье автора представлены универбаты, собранные из русских текстов XVI-XVIII веков, и выявлено, что большая часть таких слов имеет профессионально-терминологический характер (Там же: 91-96). Можно полагать, что именно раннее наличие данного способа словотворчества послужило благоприятным фоном для распространения универбации и в последующие (XIX-XX-XXI) века.

1.1. Замечания по поводу стиля. При характеристике универбации высказывается такое общепринятое мнение, согласно которому слова-универбаты употребляются преимущественно в разговорной речи. Исходя из этого утверждения и, конечно, не отрицая его, я считаю важным сделать на этот счет несколько дополнительных замечаний.

1) Универбаты характеризуются, на самом деле, разнообразием стилистической окраски (при них встречаются такие пометы, как *окаzionaliальный, индивидуальный, профессиональный* или просто *разг.*). Кроме того, часть универбатов, как кажется, в настоящее время уже представляет стилистически нейтральные лексические единицы или, по меньшей мере, сближается с нейтральным стилем (см. слова *маршрутка, электричка, подземка, мобильник, парусник, грузовик*), причем их соответствующие исходные словосочетания характеризуются разной степенью официальности или искусственности стиля: ср. *маршрутное такси, электропоезд* (← электрический поезд), *подземная железная дорога, мобильный телефон, парусное судно, грузовой автомобиль*. Особое место занимает в этом плане универбат *открытка*, который уже давно приобрел статус самостоятельного слова в нейтральном стиле, и при этом его исходное мотивирующее словосочетание «открытое письмо» уже вообще не употребляется. Подобным образом формой нейтрального стиля слова *зажигалка* ('прибор для получения огня') вытеснилось из употребления ее мотивирующее сочетание «зажигательное устройство».

2) Многозначность некоторых универбатов иногда позволяет выделить *окаzionaliальные* значения, которым присуща большая степень разговорности. Ср., например, слово *подземка* в своем обычном значении

(‘подземная железная дорога’) и в более частном употреблении типа ‘подземный бар / клуб’. Показательным примером может быть и слово *раскладушка*, которое в своем традиционном понимании ‘раскладная кровать’ имеет нейтральный стиль, но в употреблении ‘раскладной телефон’ его можно считать окказионализмом.

3) Помимо разговорности многие универбаты характеризуются и стилем профессионального жаргона. Естественно, что такие дериваты по-другому воспринимаются представителями данной профессии и теми носителями языка, которые не осведомлены в данной области. Например, универбаты *Иностранка*, *Ленинка*, *Тургеневка* как разговорные названия соответствующих библиотек, для исследователей являются в большей степени (даже без контекста) понятными наименованиями, чем для людей других профессий. Подобным образом для преподавателей какого-либо иностранного языка или для тренеров по разным видам спорта слово *нулевик* (‘начинающий с нуля’) менее окказиональное (и тем самым менее разговорное), чем для тех, кто никакого отношения не имеет к таким видам деятельности. Ярким примером в этой связи представляется универбат *испанка*. В его наиболее распространенном значении ‘испанский грипп’/‘испанская болезнь’ данное слово можно считать общепонятным, несмотря на то, что эта болезнь уже давно (приблизительно сто лет) не грозит человечеству. Ср.: *Доктор сказал, что у нее испанка – это ужасный грипп, от которого в каждом доме умирают люди* (Зощенко, Перед восходом солнца). В отличие от этого предложения, вряд ли все понимают универбат *испанка* в значении шахматного жаргона ‘испанская партия’, точнее ‘испанский дебют шахматной партии’. На окказиональный характер такого рода употребления указывает и то, что на письме автор обычно заключает данную форму в кавычки: *Дебютная партия поединков достаточно многообразна, но в «испанке» мне не удавалось до сих пор выиграть* (Г. Каспаров, Два матча. М., 1987, 177).

1.2. О многозначности универбатов. Многозначные дериваты создаются потому, что многие из них могут быть сведены к разным исходным словосочетаниям, т.е. отдельные дериваты нередко мотивируются разными определительными конструкциями. Чтобы наглядно проиллюстрировать это явление, также можно обратиться к универбату *испанка*. Помимо упомянутых выше значений – ‘испанский грипп’ и ‘испанская (шахматная) партия’ – возможны еще и следующие контекстуально обусловленные значения: ‘испанский танец’, ‘испанская песня’, ‘испанская шляпа’, значит, в каждом случае имеется в виду нечто типично испанское.

У деривата *гражданка* выделяются, в частности, следующие три значения: 1) в профессионально-терминологическом употреблении: ‘гражданский шрифт’ или ‘гражданская азбука’, введенная Петром I-м

(1708-1710) (ср. в этом значении и форму *гражданица*), 2) в речи военных: 'гражданская (т.е. не военная) жизнь', 3) 'гражданская война' (1918-20). Последние два значения с оттенком окказиональности проиллюстрируем на примере следующих предложений: *Попав в армию, он быстро утратил привычки, накопленные на гражданке; Мой дед еще на гражданке воевал* (ru.wiktionary.org/wiki/гражданка).

Универбат *водолазка* можно свести к следующим исходным сочетаниям: 1) 'водолазный свитер' (если это верхняя одежда), 2) 'водолазный скафандр (костюм)' (как специальная одежда для водолазов). В первом значении данному слову уже можно приписать нейтральный стиль (поскольку данная форма верхней одежды стала общеизвестной), а во втором – разговорно-окказиональный в профессиональном употреблении.

Универбат *двушка* интересен тем, что его первоначальное значение изменилось, точнее, оттеснилось на задний план. Раньше, примерно до 90-х годов это слово употреблялось лишь как сокращение сочетания 'двухкопеечная монета', а в настоящее время оно чаще всего выступает в значении 'двухкомнатная квартира' (в объявлениях на квартиры встречается, в сущности, только форма *двушка*).

В сегодняшнее время расширился семантический потенциал и универбата *читалка*. Помимо значения 'читальный зал' развилось и новое значение: 'устройство для чтения электронных книг'. Разумеется, что новая форма употребления стала принятой прежде всего среди пользователей компьютерной техники.

При рассмотрении многочисленных примеров можно заметить, что одни универбаты являются достаточно однозначными (понятными и без контекста), а другие, семантически сильно обусловленными контекстом. Последние, в разных контекстных условиях, могут получать совсем разные интерпретации. Сопоставим следующие два примера: 1) *поллитровка* – это в просторечном употреблении понимается как *водка*, а не просто какая-нибудь жидкость полулитрового объема; 2) универбат же *нулевка* явно многозначен: в разных разговорных ситуациях он может быть отнесен к семантически не связанным между собой содержаниям, – его возможные интерпретации объединяются лишь общим значением числительного *нуль*. Ср.: 1) стрижка наголо, 2) нулевая ничья (0:0 в спортивных играх), 3) нулевой класс или подготовительная группа (*класс нулевка, группа нулевка*), 4) ничтожный человек, 5) безалкогольное пиво (*пиво нулевка*).

1.3. Проблема разграничения омонимичности и многозначности. С опорой на традиционное понимание явления омонимии и полисемии, попытаемся предложить ответ на вопрос о том, имеет ли место многозначность или распад на омонимичные формы, когда универбату приписываются разные номинации.

С одной стороны, если исходить из того, что универбату соответствуют разные словосочетания с разным содержанием (см. толкования при таких словах, как *испанка*, *гражданка* или *нулевка*), то при первом приближении трудно отрицать явление омонимичности. С другой стороны, однако, средним носителем языка рассматриваемые универбаты все-таки интуитивно воспринимаются как многозначные единицы, так как конкретные значения объединены некоторым общим значением соответствующего мотивирующего слова (*испанский*, *гражданский*, *нуль*), но при этом, конечно, у каждой единицы могут реализовываться разные потенциальные значения под воздействием данного контекста. Хорошо можно это проиллюстрировать на примере универбата *пятиминутка*. Это слово может относиться к различным видам деятельности, которые в нормальном случае примерно длятся 5 минут. Таким образом, *пятиминутка* может быть и свободной программой по фигурному катанию (т.е. «по фигурке»), но она может обозначать и пятиминутный период совсем других событий (напр., *Последняя пятиминутка матча была особенно напряженной*). Однако, несмотря на разные номинации, при этом интуитивно чувствуется единство слова. Тем не менее, конечно, при разграничении многозначности и омонимичности требуется анализ каждого отдельного случая, и трудно исключить из этого процесса субъективный компонент носителя языка.

Многозначность и омонимичность у некоторых дериватов можно разграничить не только на семантической основе (исходя из того, в какой степени дериваты связаны между собой), но и, более объективно, исходя из словообразовательной функции рассматриваемого суффикса. Очевидно, что мы имеем дело с явлением омонимичности, если формально одно и то же производное слово может употребляться как в роли универбата, так и в роли диминутива. Например, слово *конфетка* может иметь не только значение 'конфета' с уменьшительным суффиксом, но, в профессиональном сленге, и значение 'конфетная фабрика'. Таким же образом следует сопоставить слово *фигурка* в своем обычном значении 'фигура' и как универбат в несколько окказиональном значении 'фигурное катание'.

Более сложный случай представляет дериват *стенка*. Здесь уменьшительный суффикс, помимо диминутивной функции, в той или иной мере изменяет и лексическое значение производящего слова. Но при этом получаются такие типы употребления, которые (несмотря на их различия) связаны между собой, они выводятся друг из друга. Ср. слово *стенка* в следующих сочетаниях: *стенки желудка*, *стенки сосудов*, *шведская стенка*, *составить стенку* (напр., в футболе), *играть в стенку* (в футболе), *поставить к стенке* ('расстрелять'). В этих случаях мы имеем дело с многозначностью слова *стенка*. В значении же 'предмет специальной мебели, имеющей множество секций' данный дериват является не диминутивом, а универбатом, так как он восходит к

сочетанию *стенной шкаф*. Следовательно, логично предположить, что здесь имеет место распад на омонимы.

2. О диминутивах, образованных при помощи суффиксов *-к(а)* и *-ик*

Диминутивы русского языка в литературе достаточно обстоятельно описаны (без ссылки на классическую литературу здесь выделим следующие работы: РГ 1980: 208-218; PÉTER 1991: 84-91; ПРОТАСОВА 2001; РАЦИБУРСКАЯ 2015; ВИНОГРАДОВА & ПЕТРОВА 2015). В исследовании диминутивов внимание направляется в первую очередь на их субъективно-оценочные значения, эмоциональную сторону диминуции – на положительное или пренебрежительное отношение говорящего к предмету или лицу, а также и на стилистическую модификацию рассматриваемых образований. Оставив в стороне эти аспекты, мы обратим внимание на такое явление, когда при образовании диминутива с помощью суффиксов *-к(а)* и *-ик* в той или иной мере изменяется и лексическое значение мотивирующего слова. К данному виду словообразования, в основе которого лежит название принципиально другого предмета, часто прибегает русская медицинская терминология при наименовании разных органов и костей (см. VARGA 2015: 73-76), но такие примеры, как увидим ниже, могут встречаться в любой сфере жизни.

2.1. Лексикализация диминутивов. Обращает на себя внимание, что некоторые имена существительные с уменьшительными суффиксами могут развивать новые лексические значения, и тем самым они выступают в качестве самостоятельного слова. Процесс перехода в другую номинацию может произойти как на фоне уменьшения предмета (по-видимому, таких случаев большинство), так и независимо от диминутивной функции данных суффиксов. Легко можно усмотреть, что следующие производные значения создаются на базе уменьшения предмета, обозначенного мотивирующим словом: *голова* → *головка* (*головка мышцы, кости, звезда*), *шар* → *шарик* (*шарик игрушечный, стеклянный*; в мед.: *красные кровяные шарики*), *яйцо* → *яички* (в мед.: 'парная мужская половая железа'), *стена* → *стенка* (*шведская стенка; стенка в футболе, стенки сосудов, желудка*), *кость* → *косточка* (*косточки рыб; фруктов*).

В отличие от приведенных примеров, роль уменьшительного суффикса (уменьшение по размеру) при лексикализации диминутива может значительно отступать на задний план, она может быть даже полностью снята. Сначала остановимся на словообразовательной модификации *сеть* → *сетка*. Прежде всего следует заметить, что в сочетании *рыболовная сетка* не создается лексикализация, поскольку в этом же значении употребляется и мотивирующее слово: *рыболовная сеть*. Однако в сочетаниях *сетка от комаров, теннисная, волейбольная сетка*

употребляется только диминутив. Сходный пример лексикализации представляет образование **носик** в сочетании *носик чайника, кофейника*. Кроме того что основу производного значения здесь представляет метафорический перенос, видимо, размер предмета не имеет особого значения – *носик чайника* несомненно больше, чем *нос человека* (ср. ДРАГИЧЕВИЧ 2015: 90).

Также лексикализация имеет место при образовании *шея* → **шейка**, причем данный дериват входит в разные словосочетания. Обозначаемые данным дериватом предметы в одних случаях могут быть связанными с уменьшением (*шейка зуба, шейка матки*), но в других случаях они как будто независимы от (уменьшения) размера: *шейка теннисной ракетки, шейка бедра, шейка рельса*, – у каждого из перечисленных примеров важно переосмысление того значения, которое свойственно производящему слову. Также безразличным кажется фактор размера при лексикализации образования **спинка**: *спинка стула* или *кровати* (ср. *спина человека*). В отличие от представленных выше примеров, несколько иначе обстоит дело с диминутивом **садик** ('детский сад'), так как в этой форме (хотя и собственно уменьшительное значение не выражено) суффикс *-ик* в указанном значении сохраняет функцию ласкательности.

Как показывают примеры, степень лексикализации диминутивов неодинакова. Анализируя эмоциональные функции диминутивов, М. Петер обращает внимание и на такие примеры, когда дериваты, образованные с помощью собственно уменьшительного суффикса в другом, неуменьшительном значении, уже давно утвердились в русской лексике как самостоятельные слова, как исходные лексические единицы: *вода* → **водка**¹, *сума* → **сумка**, *чаша* → **чашка** (ср. РЁТЕР 1991: 85). В случаях образования этих слов собственно уменьшительное значение будет придаваться посредством вторичной диминуции: *водка* → *водочка*, *сумка* → *сумочка*, *чашка* → *чашечка* (Там же: 85).

¹ Касательно происхождения слова *водка* преобладает такая точка зрения, что данная форма перешла в русскую лексику из польского языка (см. ШАНСКИЙ 1968: 124). Подробности в этой связи изложены в статье (МОЙСЕЕНКО 2012). В более широком плане, как указывают авторы, этимологическую основу этого слова представляет латинское выражение *aqua vitae* (вода жизни), и с учетом этого факта слово *водка* возникло не в результате диминуции, а универбации.

Литература

- ВИНОГРАДОВА & ПЕТРОВА 2015 = ВИНОГРАДОВА В.Н., ПЕТРОВА З.Ю. Структура и употребление диминутивов в разных функциональных стилях // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 412-426.
- ГОВЕРДОВСКАЯ 1992 = ГОВЕРДОВСКАЯ Е.В. Новые имена существительные в лексике современного русского языка // *Русский язык в школе*. № 3-4, 1992. 46-51.
- ДРАГИЧЕВИЧ 2015 = ДРАГИЧЕВИЧ Р. Недеминутивные значения деминутивов // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 88-101.
- ЗЕМСКАЯ 1987 = ЗЕМСКАЯ Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1987.
- КАПАНАДЗЕ 1973 = КАПАНАДЗЕ Л.А. Глава «Номинация» // Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Москва, 1973. 403-463.
- ЛОПАТИН 1978 = ЛОПАТИН В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления // Н.З. Котелова (ред.). Новые слова и словари новых слов. Ленинград, 1978, 72-80.
- МОЙСЕЕНКО 2012 = МОЙСЕЕНКО В. Водка: русизм или полонизм? Историко-этимологический этюд // *Studia Slavica Hung.* 57/2, 2012. 383-395. DOI: [10.1556/SSlav.57.2012.2.6](https://doi.org/10.1556/SSlav.57.2012.2.6)
- ПРОТАСОВА 2001 = ПРОТАСОВА Е.Ю. Деминутивы в современном русском языке // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия* V. Русский язык: система и функционирование. Тарту, 2001. 72-88.
- РАЦИБУРСКАЯ 2015 = РАЦИБУРСКАЯ Л. Деминутивы в текстах современных российских масс-медиа // *Manjšalnice v slovanskih jeziki: oblika i vloga* • Деминутивы в славянских языках: форма и роль • *Diminutives in Slavic Languages: Form and Role*. Zora 113. Uredila / Editor: I. Str. Breznik. Maribor, Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Praha, 2015. 331-337.
- РГ 1980 = Русская грамматика. Т. 1. Отв. ред.: Н.Ю. Шведова. Москва, 1980.
- ХОЛЛОШ 1992 = ХОЛЛОШ А. Универбация и русский литературный язык (К истории универбаций с суффиксом *-ка*) // *Труды по славяноведению. Szlavisztikai tanulmányok*. Ed.: Nyomárkay I. et al. Budapest, 1992. 90-98.
- ШАНСКИЙ 1968 = ШАНСКИЙ Н. М. (под руководством и ред.) Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Изд-во Московского ун-та, 1968.
- PÉTER 1991 = PÉTER M. A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai. Tankönyvkiadó, Budapest, 1991.
- RÉPÁSI 1999 = RÉPÁSI Györgyné, Szavak a nyelvben, szavak a beszédben. Nyíregyháza: Bessenyei György Könyvkiadó, 1999.
- VARGA 2015 = VARGA É.K. Latin mintára képzett kalkok a magyar és orosz anatómiai nevekben. PhD disszertáció, Budapest: ELTE BTK, 2015.